

О некоторых аспектах долженствования в семейно-правовой сфере¹

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

В статье рассматриваются актуальные аспекты жизнедеятельности конструкции обязанности в семейно-правовой сфере (ее ключевых институтах: брака, родительства и детства) в контексте предпосылок специфики ее содержания, функционирования и обеспеченности мерами воздействия в случае ее неисполнения (ненадлежащего исполнения). Анализируются доктринальные и законодательные подходы к означенной проблематике. Предлагаются варианты толкования действующих норм о семейно-правовых обязанностях и корректировки (дополнения) соответствующих нормативно-правовых предписаний.

Ключевые слова: конструкция обязанности, специфика семейно-правовых обязанностей, актуализация системы обязанностей, проблема обеспечительных мер, детские обязанности.

Сфера действия семейного закона (родительство, детство, семья, супружество, попечение над детьми) и смежного с ним законодательства, частично содержащего регуляторику отношений с семейным интересом (гражданского, медицинского, трудового, социально-обеспечительного, административного, процессуального), настолько специфична, что классическая методология для правового регулирования общественных отношений означенных типов работает далеко не всегда или же не работает вовсе [8, 9, 17]. Это, казалось бы, почти аксиоматическое положение и ранее, и в настоящее время периодически игнорируется в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике. В науке до сих пор противостоят идеи о суверенности семейного права, без отрицания «материнской сущности» права гражданского, versus его подчиненности цивилистике в образе последнего. На основе второй позиции в законодательство внедряются нормы об универсальном характере конструкции брачного договора относительно режимов собственности в браке (в абсолютный противовес законному режиму), исключительно гражданско-правовом контексте презумпции согласия при распоряжении одним из супругов общесупружеским имуществом, в том числе лишая семью «семейного дома»², избыточно либеральном прочтении сущности программы

¹ Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-023

² Новелла ст. 35 Семейного кодекса РФ в этой части справедливо критикуется цивилистами-семейноведами [21].

суррогатного материнства¹, объединении в общий «цивилистический клуб» попечителей детей и взрослых лиц² и т. д. Противоречива судебная практика, ибо вынуждена то ориентироваться на идею всемерной защиты семьи, материнства, детства³, то «включать» механизм обеспечения интересов гражданского оборота – даже там, где следовало бы задуматься о семейно-правовой специфике предмета судебной деятельности. Объекты правового регулирования в обсуждаемой сфере могут быть вполне очевидными, разобранными наукой и практикой на значимые элементы, находящимися в «серой зоне» или вовсе до поры «неопознанными» (в отличие от мифических НЛО – реально ждущими обнаружения, исследования и реагирования).

Среди представительства тех и других конструкция семейной обязанности занимает почетное место. С одной стороны, она составляет классику юриспруденции, однако с другой – сродни упомянутому «НЛО». К числу классических положений теории права, среди прочих, относятся идеи о корреспонденции праву обязанности и наоборот, а также необходимости обеспечения юридической обязанности теми или иными мерами воздействия в случае ее неисполнения (ненадлежащего исполнения). Одновременно юриспруденции, в ряду других областей знания, исследования и деятельности, присущи исключения из правил, даже и фундаментального характера. Кроме того, при построении любых (или почти любых) правовых конструкций учитывается их обусловленность этическими нормами (если только не имеются в виду чисто технические правила) и спецификой предмета правового регулирования. Соответственно, с другой стороны, именно во взаимосвязи означенных положений следует рассматривать вариации семейно-правового долженствования. Рассмотрим проявление данного императива в ключевых институтах семейного права, однако не во всем его разнообразии, а только лишь в неочевидных, с точки зрения теории и/или практики, позициях. В этом плане конструкции обязанности то находятся в «тумане» – зоне правовой неопределенности (например, обязанность супругов к взаимному уважению), то появляются в «правовых одеждах от кутюр» (например, ненаступление алиментной обязанности

¹ До недавнего времени среди ее участников наличествовал загадочный парный субъект «мужчина и женщина», иностранные граждане; до сих пор неясна фигура «одинокого мужчины»; толкование оснований оспаривания отказа суррогатной матери дать согласие на родительство «заказчиков» имеет очевидный цивилистический контекст, ибо в том числе ориентирует на анализ содержания договора о суррогатном материнстве.

² Подобное решение подвергается справедливой и резкой критике как онтологически необоснованное [13].

³ Идея о защите отцовства получила конституционное закрепление только в 2020 г., однако без формально включения в систему прав и свобод, т. к. размещена в гл. 3 о федеративном устройстве...

в случае недостойного поведения супруга – искателя материальной поддержки), то выглядят не вполне зрелой идеей с «сумасшедшинкой» (например, невозможность признать фиктивный брак недействительным после его расторжения, проигнорировав тем самым долженствование добросовестного поведения субъектов).

Институт брака. Поскольку целеполагание последнего заключается в создании и поддержании семейных отношений, неизбежно возникает вопрос о специальных обязанностях субъектов брачных правоотношений как супругов и как членов семьи. Первое качество порождает предположение о супружеской верности. Как известно, ее проявление с отрицательным знаком (измена, «прелюбодеяние») считалось типичным основанием для расторжения брака по российскому имперскому законодательству. В некоторых странах оно имеет характер юридического долженствования и в настоящее время. Например, весьма убедительно и разносторонне данный императив представлен в польском законодательстве, что импонирует и некоторым российским правоведом [9]. Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) о данной характеристике супружества не упоминает, ограничиваясь в своих общих началах призывами о построении семейных отношений (следовательно, и брака) на чувствах взаимной любви, уважения, взаимопомощи и поддержки (ст. 1), а норма ч. 3 ст. 31 СК РФ придает этим призывам статус супружеских обязанностей¹, лишь частично обеспеченных конкретно-юридическими ресурсами: с помощью положений об алиментировании (включая возможность отказать в материальной поддержке в случае недостойного поведения супруга в браке – ст. 92 СК РФ), праве суда отступить от равенства долей при разделе общесупружеского имущества на основании недобросовестного поведения одной из сторон брака (ч. 2 ст. 39 СК РФ), а также посредством прямого или косвенного учета отрицательных характеристик в поведении супругов (следовательно, неисполнения ими означенных долженствований) при разрешении дел о расторжении брака, признании его недействительным, споров о детях [1]. При этом нарушение супружеской верности традиционно является юридическим фактом правоприменения – не только при расторжении брака, но и при заключении брачного договора – в качестве основания для подключения такого инструмента, как уменьшение имущественной доли виновной стороны (с неправомерным доведением данного положения до степени кабальности).

Представляет интерес и вопрос о значении совместного проживания супругов [4]. С одной стороны, они свободны в выборе места жительства. Однако с другой – отсутствие означенной

¹ Возникает аналогия с известной репризой-вопросом: должен ли джентльмен, если он должен?...

компоненты в их союзе является, во-первых, одним из доказательственных фактов, фиктивности брака, а во-вторых, основанием для предположения о его фактическом прекращении (фактическом разводе) и применении правила о раздельном режиме приобретенного в этот период имущества (ч. 4 ст. 38 СК РФ). Мы являемся сторонниками признания совместного проживания членов семьи существенным признаком последней, что не исключает временного пребывания в «одиночном плавании» по уважительным причинам [14, 18]. Совместное проживание в супружеском (семейном) союзе безусловным образом партнерствует с ведением супругами (членами семьи) общего хозяйства, т. к. элементы означенной экономики составляют один из смыслов семьи (повторимся: цели брака), предписанных нормами ст. 1 СК РФ (о взаимной поддержке и ответственности всех ее членов). Небезынтересно заметить, что совместное проживание и ведение общего хозяйства являются обязательными характеристиками фактического брака¹. Это, в частности, подтверждено нормой ст. 5 Федерального закона от 31.07.2025 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], ориентированной на частичное признание правовых последствий (ряда льгот) для фактических вдов участников СВО, а также правовыми позициями всех законопроектов (хотя и «почивших в бозе», почти без сопротивления их авторов против соответствующих «агностиков» в депутатском корпусе и доктрине) о юридическом признании рассматриваемых союзов [16].

Нет определенности, а главное – не достигнут актуальный уровень эффективности нормативно-правовой обязанности жениха/невесты информировать будущего супруга о некоторых значимых обстоятельствах своей добрачной жизни. В частности, совершенно очевидно, что призыв сообщать о ряде заболеваний далеко не исчерпывает проблематики, а «мягкий совет» о прохождении медицинского обследования перед заключением супружеского союза не достигает своей цели (ст. 15 СК РФ). И юридически, и житейски значимы и другие факты сокрытия важной для супругов информации: о смене пола, судимости за особо тяжкие преступления, бесплодии... Опираясь на общецивилистический критерий о последствиях подобного незнания (знал бы – не заключил бы соглашения, на котором основан и брак), следует дополнить предбрачные долженствования сторон обязанностью о таких фактах сообщать – на уровне семейного закона либо в рамках правовой позиции Верховного Суда РФ. Весьма актуальны и соображения о включении в правовой статус супругов обязанности соблюдать конфиденцию семейных правоотношений (в

¹ В связи с этим мы полагаем, что незарегистрированное супружество является «большим браком», нежели зарегистрированное...

противовес избыточному общению об этом с миром Интернета): конституционно-правовой смысл принципа невмешательства в частную и семейную жизнь (ст. 22 Конституции РФ) предполагает не только соответствующие ограничения и запреты третьим лицам и государству, но и взаимность таких обязательств супругов и других членов семьи.

Институт родительства. К классическим идеям-конструкциям в данном семейно-правовом блоке относятся соединенные в пару право и обязанность матери и отца ребенка заботиться о нем (включая воспитательное воздействие) – ч. 1 ст. 63 СК РФ. Их разъединение происходит только в ситуации возникновения алиментного обязательства в пользу совершеннолетнего ребенка (ст. 87 СК РФ). В доктрине высказаны сомнения (вплоть до отрицания) подобной пары, однако мы их не разделяем (подробную аргументацию см. в других работах автора, посвященных «неуловимой конструкции обязанности»). Среди дискуссионных и актуализированных вариантов долженствования довольно ярко выделяются соображения, обусловленные идеей учета позиции мужчины в вопросе сохранения беременности женщиной-партнером (в супружестве, а особенно – во внебрачном союзе, длительном либо краткосрочном). При этом предлагается предусмотреть правовые последствия сокрытия факта беременности или преодоления позиции мужчины в ситуации внебрачного родительства в виде ненаступления его алиментного обязательства и другого долженствования, если отцовство было установлено принудительно, т. е. в судебном порядке [7]. Очевидное возражение, что называется, «лежит на поверхности»: в рамках предлагаемого развертывания событий женщина должна либо принять решение о прерывании беременности «под давлением», либо сохранить ее, обрекая будущего ребенка на «безотцовщину» в социальном и формально-юридическом смысле, – оба варианта неприемлемы, особенно в семейно-ценностном контексте. (Как известно, история советского/российского законодательства уже отмечена, в период с 1944 по 1968 годы, вопиющим решением об освобождении мужчины от юридических обязательств относительно ребенка, зачатого им в союзе с женщиной и возложении на последнюю всех родительских забот.) При этом в доктрине уточняется, что законодательство, в том числе региональное, установившее административную ответственность за склонение женщины к прерыванию беременности, на супругов распространяться не должно [10].

В не менее дискуссионном поле пребывает правило об исключительно добровольном характере согласия суррогатной матери на запись родительства «заказчиков» по договору. Оно неоднократно, но безуспешно обжаловалось в Конституционном Суде РФ. С учетом особых мнений членов Конституционного Суда (о целях программы, сущности материнства и др.), правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ (с его избыточно широким толкованием возможностей оспаривания

отрицательного решения суррогатной матери)¹, видимо, целесообразно пересмотреть положение о приоритетах, «перевернуть пирамиду»: трансформировать право в обязанность, однако не в русле абсолютного императивного предписания, а с допущением, пусть и в порядке исключения, оставления ребенка у женщины, его зачавшей, выносившей и родившей, при наступлении чрезвычайных обстоятельств в ее семье (смерть родного ребенка, утрата способности к деторождению и т. п.).

Институт детства. В доктрине и семейном законодательстве уже более пятидесяти лет (хотя и со значительными перерывами) обсуждается вопрос о семейно-правовых обязанностях детей. Точку опоры, несмотря на явно негативное отношение к данной конструкции петербургской (ленинградской) цивилистической школы, находим в трудах авторитетнейшего ее представителя – О.С. Иоффе, который в одном из своих учебников по гражданскому праву (семейное право сущностно признавалось и текстуально оформлялось как часть права гражданского, что, впрочем, характерно для данной школы и в настоящее время) писал о том, что правам родителей по воспитанию ребенка неизбежно должна корреспондировать обязанность последнего подчиняться их воспитательному воздействию [11]. Это предположение в то время было поддержано некоторыми цивилистами, чьи труды ориентировались преимущественно на семейно-правовую проблематику, однако их позиция не была учтена не только в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. (в нем глава о статусе ребенка отсутствовала – его права позиционировались через призму не столько права, сколько интереса, который должен учитываться родителями, иными субъектами семейных правоотношений и государственными структурами при разрешении соответствующих категорий семейных дел), но и в действующем СК РФ: глава о детях ориентирована в нем исключительно на их юридические возможности. При этом в последующих за проектными периодами и современных позициях ряда представителей семейно-правовой доктрины явным образом подчеркивается и доказывается необходимость внедрения в ткань семейного закона конструкции детских обязанностей [6, 15].

С признанием в действующем СК РФ у ребенка некоторых элементов «пассионарности» (в контексте конструкции согласия на совершение ряда семейно-правовых актов, права на самостоятельную судебную защиту, прав несовершеннолетнего родительства (ст. 56–57 СК РФ) и других положений о его семейно-правовом статусе) неизбежно в правосубъектности усиливается роль дееспособности, объем которой возрастает, качественно изменяется в период от малолетства до 10-, 14–17-летнего возраста. И дело не только в классике юриспруденции (она,

¹ Подробный анализ правовых позиций и изложении авторской позиции см. в других трудах автора [19].

как мы уже заметили ранее, почти всегда предполагает исключения из правила), но и в реальных потребностях общества, родителей и иных попечителей ожидать от ребенка уважительного отношения к близким людям (и не только) и посильной помощи в делах семьи. Подобные ожидания вполне удовлетворены (в той или иной формулировке) в законодательстве целого ряда стран, в том числе и тех, в которых сильно влияние гражданско-правовой методологии при регулировании семейных отношений (например, Германии) [12]. В Болгарии, еще в бытность ее членом социалистического лагеря, в Семейном кодексе была закреплена знаковая (в контексте наших размышлений) норма¹: «Децата со длъжни да уважават своите родители, бабо и дядо и да им помагат» (ч. 4 ст. 124).

При этом в российском законодательстве детские обязанности присутствуют в сферах трудового права (например, ученический договор), административного (обязанности соблюдать устав и исполнять решения общественной организации, членом которой ребенок является), даже уголовного (не о праве же на уголовное преследование с 14 лет идет речь) и др. А в соответствии с ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 43) [3] учащиеся (без обозначения возраста) обязаны соблюдать локальные акты образовательного учреждения, выполнять учебный план, уважать педагогов и других участников образовательного процесса, включая одноклассников, а по окончании младших классов они, за неисполнение означенных должностований, могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. При этом уважать своих родителей и других законных попечителей дети не обязаны...

Ключевым возражением против внедрения конструкции детских обязанностей в СК РФ является соображение о невозможности обеспечить их выполнение правовыми средствами (аргумент о недееспособности ребенка разрушается приведенными ранее образцами его «пассионарности»). Однако, во-первых, аналогичная нормативная «картинка», как мы уже продемонстрировали ранее, наблюдается и в блоке о супружестве, что не вызывает желания законодателя ее скорректировать. Во-вторых, в нормах ст. 1 СК РФ об общих началах семейного законодательства предусмотрено должностование членов семьи взаимно уважать и поддерживать друг друга. Дети относятся к таковым (а не только к «цветам жизни»). В-третьих, семейный закон, активно не избегая деклараций социально-этического свойства (а, напротив, прямо их закрепляя), выполняет, наряду с регулятивной и охранительной функциями, и воспитательные задачи [20], что особенно важно и актуально при правовом регулировании отношений с участием детей, тем более детей современных, «вооруженных» (и одновременно ослабленных) интернетом и соответствующим сетевым инструментарием. Поэтому гл. 10

¹ Действует и в настоящее время.

СК РФ и в названии, и в содержании, следует дополнить положениями об обязанностях уважительного отношения ребенка к своим законным воспитателям и посильном участии в делах семьи.

Изложенные нами соображения свидетельствуют о существовании дискуссионного «поля с посеянными семенами и взошедшими ростками» идей об особых вариациях жизнедеятельности конструкции семейных обязанностей в сфере брака, родительства и детства и потребности в их уточнении на уровне семейного закона либо правоприменения.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 31.07.2025 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Величкова О.И. Совместное проживание и ведение хозяйства как конструктивный элемент имущественных отношений: причины появления, во что превратилось и что с этим делать? // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15, № 4. С. 386–391.
5. Горбунов Е.Ю. Обязанность взаимной верности супругов. Польская правовая реальность vs лакуна в российском праве // Закон. 2022. № 12. С. 185–205.
6. Елисеева А.А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 82–89.
7. Иванов А.А. Переосмысливая отношения между родителями и детьми // Закон. 2023. № 2. С. 110–119.
8. Ильина О.Ю. К вопросу об изменении предмета и метода семейно-правового регулирования // Семейное право: современные проблемы теории и практики. Материалы международного круглого стола. Минск, 2020. С. 151–157.
9. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–15.
10. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.
11. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Т. 3. М., 1965. 495 с.
12. Матвеева Н.А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.
13. Нечаева А.М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3–8.
14. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Рабец А.М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах о личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей // Научные труды РАЮН. 2003. № 3. С. 161–163.

16. Сочнева О.И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 394–405.

17. Тарусина Н.Н. Гражданский закон: возможности и ограничения как «законодателя мод» для семейного права // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 11–13.

18. Тарусина Н.Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381.

19. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 2. С. 95–109.

20. Тарусина Н.Н. О должностовании детей в семейно-правовой и иных сферах // Семейное и жилищное право. 2026. № 1. С. 15–17.

21. Чефранова Е.А., Чашкова С.Ю. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 12 (217). С. 23–44.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ (150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14), SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

On some aspects of obligation in family law

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The article examines the current aspects of the life of the obligation in the family law sphere (its key institutions: marriage, parenthood, and childhood) – in the context of the prerequisites of the specifics of its content, functioning, and provision of measures of influence in case of its non-fulfillment (improper fulfillment). The article analyzes the doctrinal and legislative approaches to this issue. It proposes options for interpreting the current norms on family-law obligations and for adjusting (completing) the relevant legal provisions.

Keywords: *the concept of obligation, the specifics of family-law obligations, the updating of the system of obligations, the problem of security measures, and child-related obligations.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF (150003, Yaroslavl, Sovetskaya Street, 14), SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. О некоторых аспектах должностования в семейно-правовой сфере // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 193–201.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.